

УДК 330.8
ББК 65.02(2)

Г.Д. Гловели

*Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
г. Москва, Российская Федерация*

МЕРКАНТИЛИСТСКАЯ ГЕОКУЛЬТУРА И «ПРОЗЕЛЬНАЯ ГОРЯЧЕСТЬ»: НАСЛЕДИЕ Ю. КРИЖАНИЧА И И. ПОСОШКОВА В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Статья анализирует наследие Юрия Крижанича и Ивана Посошкова в мир-системной ретроспективе как пример меркантилистской геокультуры. Обосновывается значение стран-гегемонов капиталистической мир-системы как геокультурных эталонов для политико-экономических доктрин. Показано значение Нидерландов как геокультурного эталона для меркантилизма: переходной экономической эпохи и ранней политической экономики. Но выделены отличительные черты и последствия российского меркантилизма, проистекавшие из периферийной позиции Восточной Европы и полупериферийной позиции Российской империи в капиталистической мир-системе.

Ключевые слова: историография политической экономики, меркантилизм, гегемония, мир-системный подход, геокультурный паттерн, полупериферия.

G.D. Gloveli

*National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation*

MERCANTILISM'S GEOCULTURE AND RUSSIAN «HIGH VEHEMENCE». YU. KRIZHANICH AND I. POSONKOV'S HERITAGE IN THE WORLD-SYSTEM APPROACH CONTEXT

Abstract. The article analyses Yuriy Krizhanich and Ivan Pososhkov heritage as an example of mercantilism's

geoculture in world-system retrospect. The relevance of capitalist world-system's hegemonic states as geocultural patterns for political economy doctrines is justified. The relevance of the Netherlands as a geocultural pattern for mercantilism as a transitional economic epoch as well as early political economy is demonstrated. But distinguishing features and consequences of Russian mercantilism resulted from peripheral position of Eastern Europe and semi-peripheral position of the Russian Empire within the framework of capitalist world-system are emphasized.

Keywords: historiography of the political economy, mercantilism, world-system approach, hegemony, geocultural pattern, semi-periphery.

Посошковедение в контексте историографии экономических учений

Выхода в свет (1842) «потаенной книги» Ивана Посошкова «О скудости и богатстве» добился идеолог «официальной народности» М.П. Погодин при содействии министра просвещения графа С. Уварова (формулу которого «православие, самодержавие, народность» ординарный профессор Московского университета активно внедрял в русскую историографию). Погодин рассчитывал явить миру самобытного мыслителя в политической экономии, постигшего ее правила на полвека раньше, чем на Западе [40, с. VIII].

В те времена в политической экономии господствовали две традиции — «классическая» и «эклектическая»; вторая следовала за первой в отрицании вмешательства государства в «естественное» состояние «свободной конкуренции» (*laissez faire*), но не разделяла узкого смитианского понимания богатства как исключительно «вещественного». Наиболее ярким общероссийским образчиком эклектической политэкономии считался курс петербургского академика Г. Шторха на французском языке [3, с. 153]. К тому же типу принадлежали появившиеся в 1840-е гг. компилятивные сочинения русских авторов на русском языке — харь-

ковского профессора Т.Ф. Степанова [48] и камер-юнкера А.И. Бутовского [7]. «Эклектики» брали за основу переложение категорий, установленных англо-французскими «классиками» и эпигонами (смитианство, рикардрианство, школа Сэя), сопровождая обширным цитированием мнений различных западных авторов по каждому из рассматриваемых вопросов.

Сочинение Посошкова было явно другого типа: без всяких западных литературных извлечений, зато с «прозелитной горячностью» из любви к «его императорского величества самодержавию» [42, с. 205] и упованием на благотельность государственного (точнее — *государева!*) попечительства о хозяйстве. Все же попечитель Московского университета граф С.Г. Строганов отсоветовал Погодину читать публичную лекцию о «правды желателе всеусердном» эпохи петровского переустройства [20]: ревнитель «царского интереса» Посошков был весьма резок в обличении многочисленных «неисправ» крепостническо-бюрократического порядка. Уже после смерти императора Николая I, давшего высочайшее соизволение на публикацию «Книги о скудости и богатстве», цензура не позволила напечатать в редактируемом Погодиным «Москвитянине» статью знаменитого художественного критика Ап. Григорьева, который обильно (хотя не дословно) цитировал высказывания «первого по времени из представителей отношений мысли к народности» о запустении в России во многих местах земли от неправды весьма застарелой [16, с. 179].

Но вскоре наступила эпоха раскрепощения, и на следие Посошкова было востребовано и при гласном обсуждении крестьянского вопроса в «Современнике», редактируемом Н.А. Некрасовым и Н.Г. Чернышевским [22], и при сокровенных раздумьях А.П. Щапова о конституционном «земском народосоветии» [54, с. 657]. Тогда же из безвестности вышло имя автора еще одного потаенного сочинения с целой программой переустройства Русского государства, — хорва-

та Юрия Крижанича, за коим крупнейшие русские историки признали и замечательно верное разумение смысла русской жизни предшествовавшего времени [26, с. 511], и предвосхищение преобразовательной программы Петра Великого [47, с. 381].

Авторитетный исследователь процесса *европеизации* России А.Г. Брикнер был первым, кто охарактеризовал Крижанича и Посошкова как *меркантилистов*, выстроив такой ряд ранней русской экономической мысли: «Домострой» – Крижанич – Петр I – Посошков. Этот ряд Брикнер ввел в контекст и европейской доктрины активного торгового баланса (от У. Рэли до П. де ла Кура), и западных (особенно английских и голландских) экономических влияний на Московское царство. Указывая на практика-преобразователя и «ученика Запада» Петра I как на наставника самоучки Посошкова, Брикнер объединял их как русских меркантилистов, пекшихся об ограничении потребления привозных товаров и усилении вывоза и поощрения русской промышленности [4, с. 77].

С начала XX в. в русских курсах истории экономических учений изложением идей Посошкова стало принято завершать обзор меркантилистических доктрин [6, с. 25–37]. Но к этому времени политэкономы исторического направления значительно скорректировали тенденциозную «линию А. Смита»¹ в трактовке меркантилизма (кольбертизма²), доведенную до крайней вульгаризации (приписывание меркантилизму отождествление богатства с деньгами) эпигонами-рикардианцами (Мак-Куллох, Сениор [45, с. 87]). Продолжая «линию Ф. Листа» в переоценке «меркантильной систе-

¹ А. Смит «подал дурной пример своей неумной критикой» меркантилизма [53, с. 474].

² Заметим, что термин кольбертизм (кольберизм) как синоним практического «меркантилизма» возник не при жизни или сразу после смерти знаменитого государственного деятеля Франции, а в Италии в самом конце XVIII в. под прямым влиянием книги А. Смита [21, с. 108].

мы» [58, р. 269–273], Г. Шмоллер обосновал концепцию меркантилизма как выхода за пределы мелкотерриториального хозяйства (ремесленный город с сельской округой) к географическому разделению труда и формированию европейских национальных государств, для которых оживленный денежный оборот стал важнейшим вспомогательным средством. Отношение к иностранным государствам враждебно; с ними ведут борьбу за торговые пути, за сбыт, за колонии; «на народ смотрят как на косную массу, которую государственные люди должны направлять и побуждать к прогрессу» [51, с. 33]. Стремление к привлечению драгоценных металлов в страну было вызвано не их отождествлением с богатством, а ответом на открывшиеся заокеанские горизонты мировой торговли и потребностью в налаженной монетной системе [50, с. 10].

Существенный вклад в переосмысление западного меркантилизма внесли английские и российские политекономы исторического направления. У. Каннингем, автор первой сводной экономической истории Запада, характеризовал английскую меркантильную систему совпадением национального честолюбия с интересами торгового класса и государственной поддержкой как торгового мореходства, так и улучшений в земледелии [24, с. 205]. Крупнейший знаток истории английской экономической политики И.И. Янжул предложил считать «типичным меркантилизмом» не доктрину «торгового баланса», около 1615 г. сформулированную в Англии и одновременно по существу изложенную в Италии и Франции, а более раннюю доктрину «денежного баланса», наиболее ярко выраженную английским автором под инициалами W.S.¹ [55]. А.Н. Миклашевский

¹ Инициалы этого автора XVI в. задали загадку историкам-экономистам; в российской литературе по традиции, идущей от Янжула, он именуется «Уильям Стаффорд»; в западных исследованиях XX в. появились версии авторства писателя Дж. Хэйлза либо государственного деятеля и дипломата Т. Смита [45, с. 83–84].

подчеркнул, что ущемление сельского хозяйства ради мануфактурной промышленности, характерное для кольтертизма (и раскритикованное физиократами и Смитом), было вовсе не характерно для меркантилизма английского [33, с. 130]. Будучи участником подготовки знаменитой денежной реформы Витте, Миклашевский в ее преддверии обратился к расчетам Посошкова о потребности русского населения в звонкой наличности (не менее 30 рублей денег на каждого), а наивный номинализм Посошкова сравнил с идеями Дж. Ло о «дешевых деньгах» [32, с. 128].

Добавим, что в это же время во Франции появился целый ряд исследований об А. де Монкретьене, и был переиздан (1889) его «Трактат политической экономии» [31, с. 115]. А русские историки вскрыли пласт экономической мысли в «литературе проектов» петровского времени [37], оставленной и приглашенными на царскую службу иностранцами (вроде саксонского барона А. фон Любераса), и знатной русской молодежи заграничной выучки (вроде боярского сына Ф. Салтыкова), и купцами-промышленниками (вроде Д. Воронова), и выскочками-чиновниками из бывших крепостных (вроде первого «прибыльщика» А. Курбатова и обер-фискала А. Нестерова). Но центральное место в этой литературе было отведено Посошкову как поборнику развития «национальных производительных сил» [34].

Эту репутацию закрепила за «идеологом купечества» Посошковым советская марксистская историография [38, с. 152; 41, с. 318], нередко придавая отечественному «меркантилисту» ореол «передового». Такие отнюдь не передовые детали его предложений, как чеканка медных монет с рублевым начертанием или палочная дисциплина ценообразования, затушевывались или замалчивались.

Советская историография экономических учений в целом, кроме опоры на формационные схемы

и марксистскую трактовку классической политэкономии, изобилует клише типа «ранний меркантилизм», «поздний меркантилизм», «зрелый меркантилизм», «типичный меркантилизм», «классический меркантилизм» и т.п. Сомнительное разнообразие в эти шаблоны были внесено постсоветским стремлением выискивать в русской экономической мысли разные «институционализмы».

Справедливости ради стоит отметить, что и в западной историографии экономических учений чуть ли не каждое новое поколение «изобретает» новый «меркантилизм» — вплоть до отождествления его с идеологией *rent-seeking society* [56] или с обоснованием национальной специализации на видах деятельности с высокой добавленной стоимостью [57]. Наиболее влиятельной, хотя и оспариваемой [60], остается трактовка меркантильной системы как необходимого исторического этапа в экономической политике государств раннесовременной Европы, предложенная Э. Хекшером в его капитальном двухтомнике «Меркантилизм» (1935).

Заслуживает внимания вывод Хекшера, процитированный в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнсом, выступившим с апологией меркантилистов как своих предшественников (понимавших толк в противоречиях предпочтения ликвидности и обеспечения занятости): «*Внутри государства меркантилизм энергично преследовал радикальные динамические цели. Но важно подчеркнуть, что это сочеталось с представлением о статичности общих мировых экономических ресурсов. Именно на этой почве возникла коренная дисгармония, порождавшая бесконечные торговые войны... Это было трагедией меркантилизма. И средние века с их универсальным статическим идеалом, и эпоха *laissez-faire* с ее универсальным динамическим идеалом, избежали таких последствий*» (цит. по: [23, с. 314 прим.]).

Что касается «последствий» в виде войн, едва ли можно согласиться с таким противопоставлением эпохи меркантилизма предшествующим и последующим векам, но вот относительно его *переходного* характера согласиться вполне можно. Соответственно и российские меркантилисты Крижанич и Посошков предстают как *типы переходной эпохи*. Переходность оттеняется драматическим финалом жизни того и другого: гибель католического миссионера Крижанича в бою с турками под Веной, положившему конец османской угрозе Западу, и смерть ревнителя православной веры Посошкова в тюрьме, куда он был заточен сразу после смерти царя-преобразователя, кнутом погнавшего Россию к вестернизации.

Важная деталь переходности: Крижанич, ярый враг турок, покоривших его родной город Бихач (самый западный опорный пункт Османской империи в Европе), хвалит как «лучший на свете» московский поместный способ вознаграждения воинов, «что существует ныне в этом православном царстве и у турок» [28, с. 124]. Раньше, в период наивысшего могущества Османской империи, ее военная организация, основанная на поместной системе, была образцом для самодержавной власти московских Рюриковичей («Сказание о Магмете-салтане» Иванца Пересветова, 1549). У Посошкова, свидетеля преобразования русского войска по западному образцу регулярной армии, искушенного и в оружейных делах, о преимуществе турок в военной организации речи уже не идет. В военной области совершился явный *разворот в сторону Запада*. Вопрос, однако, в том, каким образом этот разворот сказался на других сферах российской жизни, и какие экономические и культурные сдвиги стоят за враждебностью Крижанича и Посошкова к «немцам»-«иноземцам»?

Наследие Посошкова закономерно привлекает внимание в рассуждениях о различии цивилизаций — как с точки зрения тех, кто отстаивает уникальность

русского «культурно-исторического типа», так и с точки зрения тех, кто предлагает интерпретации в категориях почвеннической реакции на прозападную «копирующую модернизацию». Но представляется, что характеристика места Посошкова как мыслителя *переходной эпохи* станет точнее и ярче, если опираться на *мир-системный подход*, или *мир-системный анализ* (MSA – *world-system approach* or *world-system analysis*). Скажем сразу, что солидарны с авторами, оценивающими МСА как наиболее перспективный метод для концептуализации глобального капитализма как многоструктурного (а не европоцентричного) исторического феномена [49], для синтеза стадиалистского и локально-цивилизационного видения крупномасштабных исторических процессов [27].

Гегемонизм в капиталистической мир-системе

Плодотворность применения методологии MSA в истории экономических учений первым отметил Ю.В. Латов [29]. Однако он ограничился анализом господства современного мэйнстрима как отражения конкуренции национальных экономических систем, а точнее — *гегемонии США* — в МСЯ (мир-системном «ядре», или центре современной капиталистической мир-экономики). Но США — не первый мир-системный лидер капитализма; они как гегемон МСЯ, одолев другого претендента — германский рейх («Второй» и «Третий»), сменили *Великобританию* («мастерскую мира» в XIX веке). Которая ранее («владычица морей») перехватила *гегемонию у Голландии* (Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов), затем сокрушив конкурента-Францию.

Установление гегемонии происходило через длительные жестокие войны: Тридцатилетнюю (1618–1648; итог — голландская гегемония, при субгегемонии великих военных держав Франции и Швеции), антифранцузскую (1792–1815; итог — окончательная вели-

кобританская гегемония); Первую и Вторую мировые (1914–1945, итог – гегемония США) [8, с. 101]. Заметим, что после всех трех войн наступала эпоха международного торжества господствующей доктрины в экономической политике: «активного торгового баланса» после Вестфальского мира, *laissez faire* после Ватерлоо и «неоклассического синтеза» после Бреттон-Вудского и Ялтинско-Потсдамских соглашений. Заметим также, что размах влияния германской исторической школы пришелся на период, когда «Второй Рейх» бросал вызов великобританской гегемонии (1871–1918).

MSA подразумевает под гегемонией одновременное (сравнительно недолгое) превосходство капиталистических предприятий данной великой державы в трех сферах: материального производства (сельскохозяйственного и промышленного), торговли и финансов. Согласно концепции И. Валлерстайна, первая гегемония в МСЯ – голландская – возникла как результат всемирно-исторической победы сформировавшейся западоцентричной капиталистической мир-экономики (мир-системы) над последней западной мир-империей – католической монархией испано-австрийских Габсбургов. После этого капиталистическая мир-экономика в процессе глобального расширения втягивала в свою орбиту, подчиняла, а то и поглощала (Индия) незападные мир-империи и становилась определяющей, первичной по отношению к интегрированным в ее структурные позиции национальным хозяйствам.

Капиталистическая мир-экономика развилась как транснациональная иерархия пространственных уровней с тремя ярусами: «ядром» (центром), периферийными окраинами и полупериферийными зонами. Связность капиталистической мир-системы обеспечивается не политическими институтами, существующими за счет налогов и дани (редистрибуции), а относительно автономными и притом расширяющимися

цепочками рыночного обмена, структурирующими международное разделение труда (МРТ).

В странах ядра (многогосударственного образования) было достигнуто *отраслевое разнообразие (диверсификация)* сельского хозяйства и растущей обрабатывающей промышленности, требующее труда более высокой квалификации, что способствовало развитию отношений аренды и вольного найма. Там же сосредоточились передовые технологии и фундаментальная наука. Напротив, в периферийных регионах, формами контроля над трудом стали барщина («второе издание крепостничества» в европейских странах к востоку от Эльбы) и рабство (плантационное), торжествовала клерикальная реакция. Специализация в МРТ — зерно, растительное сырье (древесина, хлопок, сахар и т.п.), драгметаллы. Вследствие недостатка «отраслевой решетки» произошла расстыковка различных секторов хозяйства (прежде всего аграрного и ремесленно-промышленного), обусловившая подчиненное положение на мировом рынке с неэквивалентным обменом («ножницы цен»).

Изначально МСЯ составили *приатлантические страны северо-западной Европы* (Нидерланды, Англия, Франция). Ослабевшие западносредиземноморские и центральноевропейские страны (Испания, Италия, Германия) в него не попали, хотя активно участвовали в перераспределении к центру ресурсов (золото, серебро, пряности) от периферийных отсталых регионов.

Конкуренция за гегемонию в МСЯ между сильнейшими *национальными государствами* носила как экономический, так и военно-политический (геополитический) характер. И не случайно при возникновении доктринальной *геополитики* опыт кольбертизма послужил отправным пунктом для концепции «влияния морской силы на историю» [35, с. 122–124], а апология Навигационного акта Кромвеля А. Смитом дала повод для интерпретации его учения как «проекта империи» [59]. Ключевое же для доктрин геополити-

ки противопоставление морской и континентальной державности («талассократии» и «теллурукратии») весьма ярко проявилось в меркантилистских призывах и практиках. Все ведущие английские и французские деятели, излагавшие и проводившие доктрину активного торгового баланса, пеклись о наращивании национальных флотов (как военного, так и торгового) и зарились на мореходное могущество Голландии.

Напротив, о флоте и морской торговле не упоминается в 9 известных правилах, сформулированных чиновником императорского двора в Вене Ф. фон Хорнигом [44, с. 346–348]. Вена стоит на крупнейшей реке Западной и Центральной Европы, но Дунай не давал выхода к морской торговле: судоходству мешала природная преграда Железных ворот между средним и нижним течением реки, а черноморское устье было захвачено турками [13, 899]. Оттого фон Хорниг намечал меры по достижению активного торгового баланса без перспектив торгового мореплавания, и его памфлет «Австрия превыше всего, если она того пожелает» (1684) стал памятником «континентального меркантилизма» [45, с. 90].

Современник фон Хорнига бывалый моряк У. Петти вполне мог озаглавить свой трактат «Англия превыше всего, если она того пожелает», а решающим преимуществом своей страны для достижения активного торгового баланса считал широкий доступ к морской торговле. Перечисляя достоинства и преимущества Голландии, проницательный автор «Политической арифметики» подчеркнул значение не только корабельного доминирования, но и разнообразия переработки заморского сырья [39, с. 159, 162–164]. Петти был, однако, уверен, что у его родной островной Англии достаточно шансов для усиления флота и для того, чтобы приводить в движение торговлю всего мира. А вот Франция никогда не сможет превзойти Голландию и Англию на море.

Правоту Петти вскоре после его смерти подтвердило сокрушительное поражение французского флота от объединенного англо-голландского (1692), по поводу чего в далекой России салютовал на своей «потешной» флотилии на Переславском озере юный русский царь Петр I. Петровские реформы пришлись как раз на то время, когда Англия после войны за испанское наследство (1701–1714) обеспечила себе перевес на морях и океанах и, успешно расширяя круг экономической деятельности, завладела гегемонией в капиталистической мир-системе.

Геокультурный паттерн меркантилизма

Отмеченная еще А. Онкеном [36] неразрывность идей «торгового баланса» и «политического баланса» позволяет считать меркантилизм школой не только экономического, но и геополитического протоанализа [14, с. 46]; а в мир-системном контексте высвечивается и *геокультурный аспект*.

Значение для меркантилизма, особенно английского и французского, общеевропейского удивления экономическим лидерством Голландии в XVII в., стало общим местом в историографии политической экономики [18, с. 35; 19, с. 57–58; 41, с. 379]. В реформах Петра I, несомненного, пусть и стихийного, самодержца-меркантилиста, захотевшего «сделать Россию — Голландией» [21, с. 35], проявились *все черты* экономической политики ради формирования *европейского* национального государства, выделенные Шмоллером [15, с. 334]. Но еще в допетровский век иностранцы-прожектеры учили «царского величества людей» достижению активного торгового баланса, и «преподавали» эти уроки выходцы из главных стран, соперничавших с Голландией в формировавшемся ядре капиталистической мир-системы. Кондотьер из Франции Ян (Жан) де Грон, по окончании Тридцатилетней войны поступивший на московскую службу в полки «иноземного строя», по-

знакомил царя Алексея «Тишайшего» и его бояр с доктриной активного торгового баланса [2], надоумив для привлечения в страну и казну драгоценных металлов выжигать леса и производить доходный на западных рынках *поташ*. Обилие заводов по производству поташа, быстро ставшего третьим по значению русским промыслом после пушного и соляного, отметил в своих наблюдениях Крижанич [28, с. 35]. А еще раньше купец-дипломат из Англии Джон Мерик объяснял, что не следует необработанное сырье из своей земли отпускать, так как это лишает своих людей промысла. Мерик приводил в пример, как вывоз овечьей шерсти в Англии, в которой многие люди обнищали было, благодаря королевскому протекционизму сменился подъемом собственного сукноделия, в том числе благодаря приглашению иноземцев-мастеров; «и теперь недавно королевское величество заказал из Английской земли белые сукна возить в другие государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, от того богатели, а теперь это поворотилось к королевским подданным» [46, с. 89].

«Красили и справляли» сукна из английской шерсти на протяжении не одного века в Нидерландах, и расширение производства сначала грубых, а затем и тонких сукон в самой Англии было центральным пунктом той меркантилистской *эмуляции*¹, которая определила стратегию экономической политики при Тюдорах, а затем и других английских династиях. Аналогичной эмуляцией был пронизан французский меркантилизм от Анри Бурбона до кольбертизма.

И. Валлерстайн, вводя понятие о *геокультуре*, отнес ее возникновение не к начальному периоду капиталистической мир-системы, а фактически к расцвету великобританской гегемонии, когда после Французской

¹ Англ. *emulation* — «стремление сравняться с другими, превзойти их в каком-либо достижении или качестве»; в экономический анализ термин введен Э. Райнертом [44, с. 107 и далее].

революции различные идеологии в странах МСЯ оформили соперничавшие стратегии соперничавших социальных групп [9, с. 149]. Стратегии сводились к поддержанию власти и мудрости традиционных учреждений (консерватизм); проведению реформ профессиональными и деловыми элитами (либерализм); радикальному и эгалитарному преобразованию общества антисистемными движениями (социализм). При американской гегемонии геокультура приняла форму культурного давления через национальные государства с целью обеспечения программ *модернизации*, понимаемой как «догоняющее развитие»; эту *геокультуру развития* Валлестайн считает своего рода ловушкой для догоняющих стран, поскольку мир-система воспроизводит неравенство между ядром богатства и периферией бедности.

Я вкладываю в концепт «геокультура развития» несколько иной смысл: географические образы экономически передовых («эталонных») стран, входящих в МСЯ и задающих образец для подражательного реформирования (в том числе и в видах соперничества); негативные образы экономически неуспешных и «нецивилизованных» стран; результаты «догоняющего» («опережающего») реформирования в сравнении с меняющимся геокультурным паттерном (ареалом).

Трудно не согласиться с тем, что Великобритания периода манчестерства и золотого стандарта и США периода Бреттон-Вудских институтов как державы-гегемоны имели тенденцию выступать как адепты «глобального либерализма» – защитники принципов свободного движения факторов производства, выступающие также в поддержку парламентских институтов и гражданских свобод [8, с. 99–100]. Однако этой тенденции противостояла более или менее успешная протекционистская *промышленная политика* главных соперников гегемонов в МСЯ в их стремлении к опережающему развитию. Прообразом такой политики была политика активного торгового балан-

са с «равнением» на Нидерланды как страну-эталон и заботой об изменении структуры национального производства и экспорта (диверсификации) и налаживании денежно-кредитной сферы. Поэтому «меркантильную систему» можно рассматривать как раннюю геокультуру развития.

Ее отличие от последующей геокультурной опоры капиталистической мир-системы заключается не только в более скромном (еще не глобальном) размахе, но и в отсутствии обещания шансов национального развития для всех, если они будут держаться принципа «сравнительных преимуществ» или каких-то других «правильных» рамочных условий. Нет, эпоха «пиратского империализма» [53, с. 444] исходила из понимания международной коммерции как «игры с нулевой суммой». Не была исключением и Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов, где появилась формула «свободного моря» (Г. Гроций) и расцвело банковское дело на основе свободы ссудного процента¹, а веротерпимость рассматривалась как национальное конкурентное преимущество, способ привлечения капитала и предпринимательских способностей. Глашатай принципов свободы торговли Питер де ла Кур (1618–1685), выступавший за отмену цехов и монополий, настаивал, что «каждый настоящий голландец должен желать ослабления Франции и Англии, застоя в Испании». Де ла Кур был сторонником мира, но лишь потому, что иначе голландской «кошке» не совладеть с соперниками-«львами» [4, с. 189–190]. Эмуляция же конку-

¹ Безгрешность взимания процентов и невмешательство в установление их величины были полнее всего обоснованы в трактатах профессора Лейденского университета Салмазия (Клода де Сома, 1588–1653). Заметим, что именно в Лейдене занимался коммерцией П. де ла Кур, написавший книгу «О благосостоянии города Лейдена» (1659), которая в доработанном виде стала бестселлером под заглавием «О причинах благосостояния Голландии» (1662).

рентов с ориентиром на голландский геокультурный эталон сопровождалась не только жестким протекционизмом, но и военными амбициями, замешанными на коммерческой зависти.

Меркантилистская геокультура, распространяясь с запада на восток Европы, отразила *поляризацию* [9, с. 85] формировавшейся капиталистической мир-системы, расхождение на *центр* и *периферию* в международном разделении труда и институциональном устройстве. Проницательный У. Петти подметил, что голландцы «переложили» наиболее трудоемкие отрасли – хлебопашество и мясное скотоводство – на поляков и датчан [39, с. 170–171], а его и П. де ла Кура современник Ю. Крижанич – что «немцы» (подразумевая голландцев) из Польши «вывозят всю пшеницу» [28, с. 198].

Дания и Польша – страны к востоку от Эльбы, европейской периферийной зоны *вторичного закрепощения* крестьянства [5, с. 259–260]. Крепостное право, почти исчезнувшее к западу от Эльбы, к востоку от нее в XVI веке становилось все тяжелее под давлением «революции цен» и растущего спроса МСЯ на продовольствие и растительное сырье. Ради выгодного экспорта дорожавшего зерна из ост-эльбских поместий (мыз, фольварков) вельможи принуждали крепостных к полевой барщине сверх всякой меры, особенно в шляхетской Речи Посполитой [12, с. 116–117], где процесс закабаления охватил ранее лично-свободное население западнорусских земель [11, с. 493–494]. Сохранив силу внеэкономического принуждения, крупный земельный собственник поставил ее на службу западноевропейскому капиталисту, прежде всего амстердамскому [5, с. 264–265], а западный товарный импорт и проникновение иностранных торговцев сдавили городские ремесла, внутреннюю торговлю и среднее сословие.

И Юрий Крижанич, превознося русское «самовладское» правление по контрасту с польским сеймом,

цитировал уничижительные латинские стихи о Польше — «аде для крестьян, кладе для чужеземцев и бродяг из всех стран» [28, с. 270–271], отталкивающим темном полюсе геокультурного ареала. Свет же исходил от земель, где жители приобрели искусные навыки и есть удобные корабельные пристани и торжища, благодаря чему «процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля», как это происходит в Англии и Брабанте (Нидерландах). Если «поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху», то англичане, брабантцы и французы развернули коммерческое наступление вплоть до султанской Турции, окружив Константинополь-Стамбул торговыми ладьями, «словно густым лесом» [28, с. 33–34, 45]. Наконец, Крижанич ставил в пример Навигационный акт, замечая, что англичане «не разрешают голландским корабельщикам ничего к ним привозить, кроме тех товаров, которые водятся в самой Голландской земле», и «не дают ни одному торговцу покупать у них для перепродажи их собственные товары» [28, с. 51].

Поляризация отталкивающего бедного «безнарядного» королевства Польского» [47, с. 584] и привлекательного приатлантического северо-запада Европы воспроизводится в геокультурном ареале Петра I. В Голландию и Англию, в цветущие порты Северного (Немецкого) моря направился «державный плотник» с «Великим посольством». Чтобы затем через изнурительную Северную войну ввести Россию «при шпаге в европейскую геополитику» [10, с. 38].

Меркантилизм и ловушка геокультурного ареала

Сопоставляя Крижанича и Посошкова с западными доктринерами активного торгового баланса, А.Г. Брикнер подчеркнул, что стремление к «национальной монополии» было общеевропейским явлением. Обоснование российскими меркантилистами

царской монополии внешней торговли было крайним выражением этого стремления в условиях исторической слабости среднего сословия в Восточной Европе и в Московском царстве. Такой же крайностью, не лишенной общности с жалобами англичан и французов на переплату товаров, ввозимых голландцами [31, с. 184], являются обличения Крижаничем «чужебесия» и убытка, наносимого разницей цен англичанами, брабантцами и гамбуржцами [28, с. 29], и негодование Посошкова на немцев-«самолубов», которые «деньги манят, а нас всякими вымыслами пригоняют к скудости и бесславию» [42, с. 203].

В то же время и Крижанич [28, с. 57–58], и Посошков [42, с. 139–140, 143] признавали явное превосходство иноземцев в мастерovitости и настаивали на приглашении заграничных искусных ремесленников, которые завели бы различные отрасли обрабатывающей промышленности. Опять-таки здесь если и есть разница с Западом, то в степени, а не по существу. От Англии до Пруссии широко практиковался «протекционизм навыворот» — создание под покровительством государей привилегированных колоний иммигрантов, главным образом, в столицах.

Общее с западной меркантилистской литературой и практикой можно найти и в осознании Посошковым конкурентных преимуществ производства с меньшими издержками на рабочую силу (в местах, где «хлеб и харч дешевле» [42, с. 148]), и в рассуждениях о значении промышленной переработки сырья для обеспечения занятости («у большого промыслу множество людей питатися будут» [42, с. 225]). Наконец, нельзя не отметить, что главу о «царском интересе» Посошков начинает с «великого и нужного корабельного дела» [42, с. 201] и считает в порядке вещей расширение отпуска российских товаров «за море и в Китай» [42, с. 217], хотя его программа активизации торгового баланса и не содержит деталей национальной экспансии на кон-

кретных морях и океанах, как в «атлантическом» меркантилизме и в проектах Крижанича и Петра I.

И все же принципиальное отличие между «прозельной горячностью» Посошкова (как и Крижанича) и проектами западных меркантилистов есть. Его можно определить словами А. Миклашевского: «оригинальное сочетание меркантильных идей с каноническими» [34].

Западный меркантилизм вырос из разрыва с христианскими сомнениями относительно любостяжания. В «их сердцах материальный интерес действует, как жестокий тиран», — писал о голландцах посол Венецианской республики [1, с. 160]. На светской трактовке государственного интереса основывали свой меркантилизм деятели соперничающих западных наций, даже если были прелатами вроде кардинала Ришелье. А вот для католического поборника «славянской взаимности» Крижанича и для православного Посошкова в его «прозельной горячести» государственный (казенный) интерес неотделим от «христианской правды» (соединенной с религиозной нетерпимостью вплоть до требований смертной расправы с магами и раскольниками [28, с. 401; 42, с. 293]).

Можно согласиться с А. Брикнером, что меркантилизм находится в таком же отношении к экономической науке как средневековая астрология к астрономии и алхимия к химии [4, с. 77]. Важное добавление: меркантилизм отражает эпоху, в которую понятие «метафизика» как синоним христианской учености вытесняется латинским словом *scientia* (исходное значение — «знание», «опытное умение») в смысле «естествознание». Но эта замена происходит лишь на Западе, где в понимании хозяйственных явлений через меркантилизм пробивали себе дорогу идеи «естественного закона», «естественного права», «естественной цены» и т.д. В русском же языке не появилось слова, отличного от древнерусского «наука»

(в изначальном смысле — «наставление», «обучение», «указание»).

И Посошкову, пекшемуся о распространении русских азбук, обучении заграничному ремесленному мастерству и умению иноземцев находить руды [42, с. 146–150], чужды какие-либо соображения о «естественных» законах — законах помимо веры и царской власти. Порчу монеты он порицает не потому, что худшие деньги вытесняют из обращения лучшие («закон» Орезма — Коперника¹ — Грешема), а потому, что «наша вера самая чистая», значит, и монета должна быть чистой пробы. Аргументом за монополию купечества и против участия других сословий в торговле взято евангельское высказывание о невозможности служения сразу двум господам (Матф. 6: 24)

Примечательны и настояния Посошкова дозволять купечеству одеваться лишь в строгом соответствии с чинами, с напоминанием, что Христос повелел «единоридным быти» [42, с. 133], и осуждением шелков и мишуры [42, с. 126]. Здесь контраст, например, с Монкретьеном, вполне довольным тем, что «ныне любовью купец одет словно дворянин», и обеспокоенным лишь недостатком сырья для французского шелкоткачества [31, с. 126–127]. Этот «текстильный» вопрос, как и наука, — показатель расхождения между зоной стран-лидеров и зоной, втягиваемой в капиталистическую мир-систему. Взгляд Монкретьена — изнутри МСЯ, где Франция уже стала центром моды, с непостоянством вкусов, за которыми не поспевают промышленность нигде, кроме как в самой Франции. Взгляд Посошкова — с окраины, вводимой в «денежную напрасную трату» иноземными торговцами за «парчи цветные» и прочие «безделицы». Отсюда — и националистическая реакция, охарактеризованная Аполлоном Григорьевым как «оригинальная политико-экономи-

¹ «Проклятого Коперника, Богу суперника» Посошков, между прочим, хулил в своем «Завещании Отеческому» [43, с. 182].

ческая близорукость, которая из страха за свое родное, самобытное, кровное думает остановить неудержимое, готова вооружиться, например, даже на заведение почты» [16, с. 181].

Романтик Григорьев был идейно близок Т. Карлейлю, назвавшему рикардianскую политэкономию «мрачной наукой» (*dismal science*); сам Григорьев назвал учение Посошкова «странной политэкономией», «которая хочет обогащать людей и государства посредством правды и любви» [16, с. 183]. Однако за странностью критик увидел и другое, своеобразно соприкасающееся с той (западной) наукой, которая вслед за практикой МСЯ выдвинула на первый план *материальный интерес*. Посошков исполнен «крепкой и основанной на материальных фактах веры в неисчерпаемое богатство своей родины, в силы своего народа, во всемогущество самодержавной власти» [16, с. 181].

Крижанич сетовал, что Московское царство хотя и «безмерно велико», но бедно природными ресурсами, и скрупулезно перечислял те из них, которых России *не хватает* — от всех известных тогда 7 металлов до грецких орехов. Самодержавная власть в лице Петра I перевернула этот ресурсный пессимизм. Сам царь был уверен, что «наше русское государство пред иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами преблагословленно есть». Уверен в этом и Посошков, *сам* немало изыскавший [16, с. 149–150]. А единственный известный в XVIII в. читатель его «потаянной книги» — Ломоносов — изрек (пожалуй, с «прозельной горячностью» Посошкова): «Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Исчезло сие нарека-

ние от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества обильно распространяются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками» [30, с. 19–20].

Действительно, благодаря приращению в петровскую эпоху уральскими металлами Россия вошла в капиталистическую мир-систему сильным государством — ресурсо-обеспеченной великой военной державой. Однако того сближения государственно-экспансионистских интересов с интересами различных местных групп, которое отличало страны МСЯ [8, с. 38], и которого чаял Посошков, в петровской империи не произошло.

Посошков закончил книгу в год, когда петровский меркантилизм был подытожен протекционистским тарифом. Экспорт страны *вдвое* превысил импорт, причем более трети вывоза составил текстиль, пусть и грубый. Вслед за Петром надеялся Посошков «сукон солдатских не покупать» и «лен и пеньку, за море не возя, делать тут» [42, с. 146]. Однако насильственная диверсификация отечественной промышленности не придала ей импульса к саморазвитию; попытка насадить на русской почве едва ли не все отрасли промышленности, имевшиеся в МСЯ, обернулась неудачей: доморожденных цехов [17] и «несчастливыми мерами Петра» [25], расширившими область «второго издания крепостничества» порабощением русского населения в казенных, посессионных и вотчинных мануфактурах. Сырьевые товары (пенька и лен, в первую очередь) вскоре вернулись в экспорте на место главных статей, а с конца XVIII в. неуклонно стал расти вывоз зерна.

Петр поначалу рассчитывал на распространение вольнонаемного промышленного труда; Посошков ре-

комендовал согнанным на строительство Петербурга работникам давать возможность, «отделав свой урок», по *найму* работать. Но в итоге получилась *крепостная фабрика*. Посошков был против петровской подушной подати, но она столь прочно вошла в русский государственный быт, что даже Ломоносов восхвалял ее. Посошков обличал бесчеловечных дворян, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать [42, с. 177]. Безраздельная власть над крепостными, данная русским дворянам петровской и послепетровской европеизацией, дошла до *месячины*, заклеянной первым русским экономистом европейской выучки и обличителем крепостного права – Радищевым.

Посошков рекомендовал «немецкие затейки» и *прихоти* «приоставить», дабы напрасно из Руси богатства не тащили [42, с. 137]. Спустя сто лет Пушкин видел в кабинете Евгения Онегина

Все, чем ддя прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной...

Типичная картина центропериферического неэквивалентного обмена. На языке политэкономической прозы ее изложил первый российский академик-политэконом А.К. Шторх. Считавший, что, хотя и велико «расстояние, которое должна преодолеть Россия» до передового земледелия (норфолкский плодосменный севооборот) [52, с. 276 прим.], но, поскольку куда больше отставание от богатых наций в мануфактурной промышленности и торговле, нет смысла производить в России «ткани и утварь, которые мы получаем из Англии». Целесообразно, продавая зерно и сало за грани-

цу, «отдать на откуп» европейцам не только внешнюю торговлю, но и *переработку* российского сырья — древесины, льна, железа [52, с. 313].

Сильная государственная машина России позволяла мобилизовать людские и природные ресурсы, чтобы сказать веское слово в европейских военных конфликтах, вплоть до раздела Речи Посполитой и взятия Парижа, и продолжать территориальную экспансию, находясь на *полупериферии* капиталистической мир-системы. Однако она не могла создать экономических структур и институтов, аналогичных тем, что складывались в МСЯ. Петр I, которому посвятил свой труд Посошков, хотел сделать Россию похожей на комфортную торгово-промышленную Голландию, но толкнул ее в «геокультурную ловушку»: привитие европейского эталона меркантилизма на российской почве «переложило» на Россию, как ранее на восточно-европейскую периферию сформировавшейся капиталистической мир-системы, тяготы экспортного барщинного хлебопашества. Российская империя нарастила военную мощь с поначалу солидной металлургической базой, — в отличие от «безнарядного» (и распавшегося) королевства Польского. Но в сходстве с ним увязла во «втором издании крепостничества», не давшего поспеть за изменениями в МСЯ и геокультурных паттернах (плодосменное земледелие, промышленная революция). Ко времени выхода в свет «Книги о скудости и богатстве» барщинное зерно как главная статья русского экспорта и растущее отставание некогда передовой уральской металлургии резко обозначили тенденцию сползания *полупериферийного военного гиганта* [10, с. 39] на *периферию*.

Список использованной литературы

1. Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках / Э. Бааш ; пер с нем. ; под ред. Я. Я. Зутица. — М. : Изд-во иностр. лит., 1949. — 397 с.

2. Бакланова Н. А. Ян де Грон, прожектор в Московском государстве XVII века / Н. А. Бакланова // Учен. зап. РАН-ИОН. — 1929. — Т. 4. — С. 109–122.
3. Бланки А. Д. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени с приложением критической библиографии политической экономии : в 2 т. / А. Д. Бланки ; пер. П. А. Бибилова — СПб. : Тип. И. И. Глазунова, 1869. — Т. 2. — 432 с.
4. Брикнер А. Г. Иван Посошков / А. Г. Брикнер. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1876. — Ч. 1 : Посошков как экономист. — II, 361 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель ; пер. с фр. — М. : Прогресс, 1988. — Т. 2 : Игры обмена. — 632 с.
6. Булгаков С. Н. История экономических учений : Лекции, чит. в Моск. коммерч. ин-те в 1912/1913 ак. году / С. Н. Булгаков. — М. : Кн. маг. «Высш. шк.», 1913.
7. Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии : в 3 т. / А. И. Бутовский. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1847. — 3 т.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Унив. кн., 2001. — 416 с.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение / И. Валлерстайн ; пер. с англ. — М.: ИД «Территория будущего», 2006. — 248 с.
10. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. — 1996. — № 5. — С. 30–42.
11. Василенко Н. История Малороссии / Н. Василенко // Энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; [под ред. проф. И. Е. Андреевского]. — СПб. : Тип. Акц. об-ва «Брокгауз-Ефрон», 1898. — Т. 28 : Россия и С-Саварна. — С. 492–509.
12. Вдовин М. В. Особенности выбора институционального пути развития в Восточной Европе XVI–XVII веков: Московское государство и Речь Посполитая / М. В. Вдовин // Балтийский регион. — 2011. — № 4. — С. 111–122.
13. Водовозов В. Дунай / В. Водовозов // Новый энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб. : Тип. Акц. об-ва «Брокгауз-Ефрон», 1913. — Т. 16 : Десна — Душевнобольные. — Стб. 896–901.

14. Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России / Г. Д. Гловели // Вопросы экономики. — 2000. — № 11. — С. 46–63.

15. Гловели Г. Д. Российские вариации первых школ политэкономии / Г. Д. Гловели // История экономических учений / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М. : ИНФРА-М, 2000. — С. 331–343.

16. Григорьев А. А. О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене / А. А. Григорьев // Ежегодник Петроград. гос. театров. Сезон 1918–1919 г. / ред. А. Поляков. — Пг. : 9-я Гос. тип., 1920.

17. Дементьев Е. Цехи в России / Е. Дементьев // Энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; [под ред. проф. И. Е. Андреевского]. — СПб. : Тип. Акц. об-ва «Брокгауз-Ефрон», 1903. — Т. 38 : Цензурный комитет — Человек. — С. 131–134.

18. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений / Ш. Жид, Ш. Рист ; пер. с фр. — М. : Экономика, 1995. — 543 с.

19. Ингрэм Д. К. История политической экономии / Д. К. Ингрэм; пер. с англ. [и предисл.] А. Миклашевского. — 2-е изд. — М. : К.Т. Солдатенков, 1897. — VIII, 352, IX с.

20. Ирошников М.П. Из истории зарождения раннебуржуазной идеологии в России начала XVIII века : И. Т. Посошков «Книга о скудости и богатстве» // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2 : История. — 2005. — № 4. — С. 117–135.

21. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. — М. : Наука, 1991. — 107 с.

22. Карнович Е. Н. Крестьяне и помещики по идеям Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в. / Е. Н. Карнович // Современник. — 1858. — Т. 71, № 10.

23. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс ; вступ. статья Н.А. Макашевой. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.

24. Кеннингем В. Западная цивилизация с экономической точки зрения : (Средние века и новое время) / В. Кеннингем ; пер. с англ., предисл. А.А. Мануилова. — М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. — VIII, 271 с.

25. Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России / А. К. Корсак. — М. : Тип. Грачева и К°, 1861. — [4], 311 с.

26. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3 кн. / Н. И. Костомаров; [примеч. И. А. Смирнова]. — М. : ОЛМА-Пресс, 2004. — Кн. 2. — 640 с.
27. Крадин Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Н. Н. Крадин // История и математика: Модели и теории / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. — М. : ЛКИ/URSS, 2008. — С. 166-200.
28. Крижанич Ю. Политика / Ю. Крижанич. — М. : Новый Свет, 1997. — 528 с.
29. Латов Ю. В. История экономических учений как отражение конкуренции национальных экономических систем в ядре мир-экономики / Ю. В. Латов // Terra economicus. — 2007. — Т. 5, № 3. — С. 43-57.
30. Ломоносов М. В. Слово похвальное Петру Великому // Русские писатели об экономике. Иллюстрированная антология: Т. 1: XVIII-XIX века / сост. Г. Д. Гловели, И. В. Пестун. — М. : ИГ ГЭОТАР-Медиа, 2013.
31. Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. — М.; Л. : Наука, 1965. — 370 с.
32. Миклашевский А. Н. Деньги : Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса / А. Н. Миклашевский. — М. : Унив. тип., 1895. — [6], IV, 732 с.
33. Миклашевский А. Н. История политической экономии. История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века / А. Н. Миклашевский. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1909. — VIII, 638 с.
34. Миклашевский А. Посошков / А. Миклашевский // Энциклопедический словарь / издатели : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; [под ред. проф. И. Е. Андреевского]. — СПб. : Тип. Акц. об-ва «Брокгауз-Ефрон», СПб.: 1898. — Т. 24 : Полярные сияния — Прая. — С. 690-691.
35. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783. — М. ; СПб. : АСТ, Terra Fantastica, 2002. — 634, [6] с.
36. Онкен А. История политической экономии до Адама Смита / А. Онкен ; пер. с нем. под ред. М. В. Бернацко; предисл. А. С. Посникова. — СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. — X, 495 с.
37. Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. — [6], IV, [2], 141, [3], 86 с. — (Зап. Ист.-фил. фак-та Имп. Санкт-Петербург. ун-та ; Ч. 42).

38. Пашков А. И. Идеолог купечества И.Т. Посошков и его «Книга о скудости и богатстве» / А. И. Пашков // История русской экономической мысли / под ред. А. И. Пашкова. — Т. 1 : Эпоха феодализма. — Ч. 1 : IX–XVIII вв. — М. : Госполитиздат, 1955. — С. 318–361.

39. Петти В. Экономические и статистические работы : [Т. 1–2] / В. Петти; пер. под ред. М. Смит ; предисл. Д. Розенберга. — М. : Соцэкгиз, 1940. — XXVIII, 324 с.

40. Погодин М. Предисловие / М. Погодин // Сочинения Ивана Посошкова / изд. М. Погодина. — М. : Тип. Н. Степанова, 1842. — [Ч. 1.] — С. VII–XXIV.

41. Полянский Ф. Я. Идеи меркантилизма в России / Ф. Я. Полянский, И. П. Фаминский // Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / редкол.: В. Н. Черковец (глав. ред.) [и др.]. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1 : От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической экономии. — С. 400–414.

42. Посошков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / И. Т. Посошков ; ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — 410 с.

43. Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России / Б. Е. Райков. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 392 с.

44. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. Райнерт ; пер. с англ. под ред. В. Автономова. — М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2011. — 384 с.

45. Роббинс Л. История экономической мысли : лекции в Лондонской школе экономики / Л. Роббинс ; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. — М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013. — 496 с.

46. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев ; [отв. ред. Л. В. Черепнин]. — М. : Соцэкгиз, 1961. — Кн. 5, т. 9–10. — 754 с.

47. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев ; [отв. ред. Л. В. Черепнин]. — М. : Соцэкгиз, 1962. — Кн. 7, т. 13–14. — 725 с.

48. Степанов Т. Ф. Записки о политической экономии : в 2 т. / Т. Ф. Степанов. — СПб. : Тип. Ольхина, 1844. — Т. 1.

49. Шмидт С. Ф. Глобальный мир и неравенство: от марксизма к мир-системному анализу / С. Ф. Шмидт // Историко-экономические исследования. — 2004. — Т. 4, № 1–2. — С. 61–80.

50. Шмоллер Г. Меркантильная система в ее историческом значении / Г. Шмоллер // Научное обозрение. — 1901. — № 9. — С. 46–63; № 10. — С. 1–30.

51. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы; Хозяйство, нравы и право; Разделение труда / Г. Шмоллер ; пер. с нем. ; вступ. ст. А. А. Мануйлова. — М. : Типо.-лит. В. Рихтер, 1902. — 368 с.
52. Шторх А. К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие; Размышления о природе национального дохода / А. К. Шторх ; [вступ. ст. Ю.В. Якутина]. — М. : Экон. газ., 2008. — 1116, [2] с.
53. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. : пер с англ. / Й. А. Шумпетер ; под ред. В. С. Автономова. — СПб. : Экон. школа, 2001. — Т.1. — LVI + 494 с.
54. Щапов А. П. Письмо к кн. <П.П.>Вяземскому // Литературное наследство / редкол. В. В. Виноградов (гл. ред.) [и др.]. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 67 : Революционные демократы: Новые материалы. — С. 657-668.
55. Янжул И. И. Английская свободная торговля: Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства / И. И. Янжул. — М. : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1876. — Вып. 1 : Период меркантильный. — 228 с.
56. Ekelund, Jr. R. B. Mercantilism as a rent-seeking society: Economic regulation in historical perspective / R. B. Ekelund, Jr., R. D. Tollison. — Texas A & M University Press, 1981. — 169 p.
57. Fourquet F. Richesse et puissance : une généalogie de la valeur / F. Fourquet. — Paris : La Découverte, 1989. — 317 p.
58. List F. The National System of Political Economy / F. List ; trans. S. S. Lloyd, with an Introduction by J. Sh. Nicholson. L. : Longmans, Green and C°, 1909. — 381 p.
59. Nicholson J. Sh. A project of empire; a critical study of the economics of imperialism, with special reference to the ideas of Adam Smith / J. Sh. Nicholson. — L. : Macmillan and C°, 1909. — 284 p.
60. Revisions in Mercantilism / ed. by D. C. Coleman. — L. : Methuen, 1969. — 214 p.

Информация об авторе

Гловели Георгий Джемалович — доктор экономических наук, профессор, Департамент теоретической экономики, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, e-mail: ggloveli@hse.ru.

Author

Gloveli Georgii Djhemalovich – D.Sc. in Economics, Professor, Department of Theoretical Economics, National Research University – Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya, Moscow, 101000, e-mail: ggloveli@hse.ru.

Библиографическое описание статьи

Гловели Г. Д. Меркантилистская геокультура и «прозельная горячность»: наследие Ю. Крижанича и И. Посошкова в контексте мир-системного подхода / Г. Д. Гловели // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 239–269.

Reference to article

Gloveli G. D. Mercantilism's geoculture and Russian «high vehemence». Yu. Krizhanich and I. Posohkov's heritage in the world-system approach context. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 239–269.